

~~ЛБ 5 ПЧ 7~~

В. ХЛЕБНИКОВ

# НОЧЬ В ОКОПЕ

ИМ А Ж И Н И С Т Ы

1921

2-й 207



155 ~~1147~~

# НОЧЬ В ОКОПЕ





790850✓

Р. В. Ц.

Напечатано 10,000 экз.

---

Отделен. 2-й Государственной типографии. Б. Кисловский, 8.



Семейство каменных пустынных  
Просторы поля сторожило.  
В окопе бывший пехотинец  
Ругался сам с собой: Могила!

Объявилась эта тетя,  
Завтра мертвых не сочтете,  
Всех задушит по немножку.  
Ну, сверну собачью ножку!

Когданибудь большой Медведицы  
Сойдет с полей ея пехота.  
Теперь лениво время цедится  
И даже думать неохота.

Что задумался, отец?  
Али больше не боец?  
Дай затащим полковую  
А затем на боковую!



Над мерным храпом табуна  
И звуки шорохов минуя  
Международника могучая волна  
Степь об'яла ночную.

Здесь клялась небу навсегда.  
Росою степь была напоена  
И ало красная звезда  
Околыш украшала воина

„Кто был ничем  
Тот будет всем“.  
Кто победит в военном споре?  
Недаром тот грозил углом

Московской брови всем довольным.  
А этот рвался напролом  
К московским колокольням.  
Не два копы в руке морей

Протянутых из севера и юга  
Они боролись: раб царей  
И он в ком труд увидел друга.  
Он начертал в саду невест,

На стенах Красного Страстного  
„Ленивый да не ест“.  
Труд свят и зверолова.  
Молитве верных чернышей



Из храма ветхаго изгнав,  
Сюда войны учить устав.  
Оозвал любимых латышей  
Но он суровою рукой

Держал железного пути.  
„Нет я не он, я не такой!  
Но человечество—лети!  
Лицо Сибирскаго Востока,

Громадный лоб, измученный заботой  
И испытую, вас пронзающее око,  
О хате жалиться охотою.  
Она одна стезя железная!

Долой беседа бесполезная,  
Настанет срок и за царем  
И я уйду в страну теней  
Тогда беседе час. Умрем

И все увидим, став умней.  
Когда врачами суеверий  
Мои послы во тьме пещеры  
Вскрывали ножницами мощи

И подымали над толпой  
Перчатку женскую, жилицу  
Искусно сделанных мощей,  
Он умер, чудотворец тощий.



Но эта женская перчатка  
Была разстрелом суеверий.  
И пусть конина продается  
И пусть надсмешливо смеется

С досок московских переулков  
Кривая конская головка  
Клянусь кониной, мне сдается  
Что я не мышь, а мышеловка.

Клянусь ею, ты свидетель  
Что будет сорванною с петель  
И поперек желанья бога  
Застава к алому чертогу

Куда уж я поставил ногу,  
Я так скажу—пусть будет глупо  
Оно глупцам и дуракам,  
Но пусть земля покорней трупа,

Моим доверится рукам.  
И знамена, алей коня,  
Когда с него содрали кожу  
Когтями старое казня,

Летите на орлов похожи!  
Я род людей сложу как части  
Давно задуманного целого.  
Рать алая! твоя игра! Нечисты масти



У вымирающего белаго.  
Цветы нужны чтоб скрасить гробы,  
А гроб напомнит, мы цветы... Недолговечны  
как они,

Когда ты просишь подымать

Поближе к небу звездочота,  
Или когда как Божья Мать  
Хоронишь сына от учета,  
Когда кочевники прибыли

Чтоб защищать твои знамена.  
Или когда звездою гибели  
Грядешь в Народ одноплеменный.  
Москва, богиней воли подымая

Над миром светочь золотой  
Русалкой крови орошая  
Богрянцем сломанный устой  
Ты где права? ты где жива?

Скрывают платья кружева.  
Когда чернеющим глаголем  
Ты встала у стены,  
Когда сплошным Девичьим полем

Повязка на рубце войны?  
В багровых струях, лицо монгольского  
востока

Славянской волнуясь чертой,  
Стоит могуче и жестоко,



Как образ новый время твой!  
Проклятый бред! Молчат окопы  
А звезды блещут и горят...  
Что будет завтра—бой? навряд.

Курган языческой Рогнеде  
Хранил девические кости,  
Качал ковыль седые ости,  
И ты чудовище из меди

Одетое в железный панцырь.  
На холмах алые кубанцы.  
Подобное часам, на брѹхе броневом,  
Оно ползло, топча живое!

Ползло как ящер до потопа,  
Вдоль нити красного окопа.  
Деревья падали на слом,  
Заставы для него пустое.

И такал звонкий пулемет  
Чугунный выставив живот.  
Казалось,  
Над муравейником окопа

Сидел на корточках медведь  
Неодолимый точно медь  
Громадной лапою тревожа  
И право храбрых смерти ложе!



И стоны слабых, боже, боже!  
Опять брони блеснул хребет  
И вновь пустыня точно встарь.  
Но служит верный пулемет.

Обедню смерти как звонарь.  
Друзьями верными несомая,  
По степи конница летела  
Как гости, как старинные знакомые

Входили копы в крикнувшие тело  
А конь скакал... КАК желт  
Зубов оскал!  
И долго медь с распятым Спасом

Цепочкой била мертвеца  
И как дубина: бей по мордасам!  
Летит от белаго конца.  
Трепещет рана, вся в огне,

Путь пули через богородиц.  
На золотистом скакуне  
Проехал полководец.  
Его уносит иноходец.

За сторожевым военным валом  
Таилась конница врагов:  
„Журавель, журавушка, жур, жур, жур“...  
Оттоль неслоь на утренней заре



И доски каменные дур,  
Тоска о кобзаре.  
О строе колеса и палок, семейство сказочных русалок.

Но чу? Два аршина керенок

Брошу черноглазой  
Нож засуну в черенок,  
Поскачу я сразу,  
То пожаром то разбоем

Мы шагаем по земле. Черемуху воткнув в  
винтовку, целуем милую плутовку.

Мы себе могилу роем  
В серебристом ковыле.\*  
Так чей—то голос пел.

Ворчал старик. „Им мало дедовской судьбы“.

Ну что ж заслужите, пожалуй,  
Отцы расскажут так бывало  
Себе сосновые гробы,

А лучше бы садить бобы,  
Иль новый сруб срубить избы,  
Сажать капусту или рожь,  
Чем эти копы или нож.

Из Чартомлыцкаго кургана,  
Созвавши в поле табуны  
Они летят сыны обмана,  
И с гривой волосы смешав,



И длинным древком потрясая  
Не милых шашками секут,  
И в друг—все в сторону бегут,  
Старинным криком оглашая

Просторы бесконечных трав,  
С зверинным воем едет лава.  
Одни вскочили на хребты и, стоя борятся  
с врагом,

А те за конские хвосты

Рукой держались бегом.  
Оставив ноги в стремях,  
Лицом волочатся в траве.  
И вдруг, чтоб удаль вспоминать

Опять панует на коне.  
Иль ловят раненных на руки  
И волчей стаи шорохи и звуки  
Как ветка старая сосны

Гнездо суровое несет.  
Так снег Москвы в огне весны  
Морскою влагою умрет.  
И если слезы в тебе льются,

В тебе о старая Москва,  
Они когда нибудь проснутся  
В далеком море как волна,  
Но море Черное, страдая,



К седой жемчужине Валдая  
Упорно тянется к Москве.  
И копья длинные стучат  
И голоса морей звучат.

Они звучат в колосьях ржи  
И в свисте отдаленной пули  
И в час когда блеснут ножи.  
Морския волны обманули,

Свой продолжая рев валов,  
Седы как чайка—рыболов,  
Не узнаваемы никем  
Надели человечесий шлем

Из белокурых дикарей и их толпы, всегда  
невинной,

Сквозит всегда вражда морей. И море  
белая лавины,

Чтоб путник знал о старожиле

Три девы степи сторожили

Как жрицы радостной пустыни..

Но руки каменной Богини,

Держали ног суровый камень,

Оне зернистыми руками

К ногам суровым опускались

И плоско мертвыми глазами

Былых таинственных свиданий

Смотрели каменные бабы.



Смотрело  
Каменное тело  
На человеческое дело.  
Где тетива волос девичьих?

И гибкий лук в рост человека  
И стрелы длинные на перьях птичьих  
И девы бурные моего века?

Спросили каменной богини едва шептавшие  
уста.  
И черный змей завит в кольцо шипел не-  
ведомо кому.  
Тупо животное лицо степной богини.  
Почему

Бойцов суровые ладони

Хватают мертвых за виски  
И алоратные полки  
Летят веселием погони?  
Скажи суровый известняк

На смену кто войне придет?  
— Сыпняк.

